

ПУТЕШЕСТВІЕ РУССКОЙ МИСИИ ВЪ БУХАРУ,

въ 1870 году.

17-го мая 1870 года, офицеры и чиновники русскаго посольства, назначеннаго въ Бухару, выѣхали изъ Самарканда по дорогѣ въ Катты-Бурганъ. Ѣхали на подставныхъ лошадяхъ, имѣя перепряжку въ мѣстечкѣ Карасу, въ 38 верстахъ отъ Самарканда. Дорога отъ Самарканда, на разстояніи верстъ 20, идетъ садами по зарь-авшанской долинкѣ; но отъ Даула она поднимается, и все время, до Катты-Бургана, идетъ по окраинѣ возвышеннаго берега, вниву котораго сплошною, зеленѣющею лентою садовъ тянется знаменитый Міанкаль. Міанкаль есть продолговатый островъ, образуемый раздвоеніемъ рѣки Зарь-авшана. Близъ Самарканда, у ченанъ-атинскихъ высотъ, Зарь-авшанъ раздѣляется на два рукава: правый Акъ-Дарья и лѣвый Кара-Дарья. Рукава эти соединяются у бухарскаго города Хатырчи, лежащаго верстахъ въ 100 отъ Самарканда и верстахъ въ 8 отъ нашей границы. Кромя того, изъ Кара-Дарьи, въ 30 верстахъ выше Катты-Бургана, отдѣляется широкій арыкъ Нурапай, который течетъ все время почти параллельно Кара-Дарьѣ и теряется въ поляхъ за Зіадеддиношъ. Какъ островъ, такъ и берега Нурапая сплошь заселены. Зарь-авшанскую долину съ правой стороны оокймляютъ не очень высокія, но крутыя, бурныя каменныя горы, а съ лѣвой сопровождаютъ ее сначала Самаркандскія, а потомъ Катты-бурганскія горы. По предгорьямъ этихъ послѣднихъ и тянется дорога въ Катты-Бурганъ, начиная отъ Даула. На протяженіи 46 верстъ дорога идетъ по мѣстности совершенно открытой, волнистой, незаселенной, степной, изобилующей черепахами. Мѣстами попадаются тощія пашни, произрастающія безъ орошенія, вслѣдствіе невозможности проводить

арыки. И только смѣющаяся зелень Мианкала, почти все время сопровождающая путника справа, оживляетъ печальный видъ пустыни.

Изъ населенныхъ пунктовъ, отъ Даула до Катты—Бургана, могутъ быть названы: малое мѣстечко Барасу, лежащее въ мианкальской долинѣ, и ничтожный базаръ Чимбай, верстахъ въ 20 отъ Катты—Бургана.

Грунтъ дороги изъ Самарканда въ Катты—Бурганъ глинисто—песчаный. Особенно крутыхъ подъёмовъ и спусковъ не встрѣчается, такъ что въ сухое время дорога никакихъ затрудненій для движения не представляетъ. Броды по дорогѣ попадаются только до Даула, вслѣдствіе того, что арыки, перерѣзывающіе дорогу, не всегда покрываются мостиками, и потому экипажами и арбами разбиваются берега арыковъ и вода разливается по дорогѣ, образуя лужи, подъчасъ даже глубокія.

Катты—Бурганъ лежитъ на лѣвомъ берегу арыка Нурапай, въ нижней мѣстности. Городъ этотъ, или, пожалуй, крѣпость, окруженъ со всѣхъ сторонъ садами, между которыми, по своей красотѣ, безспорно, первое мѣсто занимаетъ бывшій садъ эмира. Самый городъ не имѣетъ ничего достопримѣчательнаго. Катты—Бурганъ въ переводѣ значитъ *большая крѣпость*; но почему онъ названъ «большою крѣпостью» угадать трудно: крѣпостная стѣна, окружающая городъ, вовсе незамѣчательна ни по своему протяженію, ни по своей высотѣ. Въ стѣнѣ устроено четыре крытыхъ воротъ. Въ самой серединѣ города возвышается маленькая цитадель, имѣющая форму квадрата, котораго сторона не превышаетъ 40 сажень. Стѣны цитадели возведены на плато, около трехъ сажень высоты, такъ что вся цитадель командуетъ городомъ. Въ зимнее время здѣсь помѣщается одна рота изъ катты—бурганскаго гарнизона, а въ лѣтнее время, когда войска выводятся въ лагерь, цитадель занимаетъ лишь одинъ караулъ.

Для бухарцевъ катты—бурганская цитадель могла казаться сильною; но два—три европейскія орудія могутъ своротить ее въ конецъ.

Въ Катты—Бурганѣ насчитывается до 5,000 жителей. Городъ снабжается водою изъ прудовъ, устроенныхъ передъ каждою мечетью. Пруды эти кишатъ мириадами водяныхъ вшей и другихъ насѣкомыхъ. Отсюда понятна причина множества накожныхъ болѣзней и «рипты» (гвинейскаго червя), свирѣпствующихъ въ Катты—Бурганѣ.

Жители города, по преимуществу узбеки, родовъ китай, кипчакъ, найманъ, кунгратъ и другихъ. Они занимаются больше всего

шелководствомъ. Обшире шелковицы въ окрестныхъ садахъ и теплый климатъ даютъ всё къ тому средства. Кроме шелководства, жители занимаются много разведеніемъ хлопца и отчасти риса.

Окраскою какъ шелка, такъ и хлопчато-бумажныхъ тканей, занимаются по преимуществу евреи, которые и здѣсь, какъ вездѣ въ Средней Азіи, живутъ въ отдѣльномъ кварталѣ. Браску и нечистоты жители сваливаютъ на улицы и въ армы, текушіе вдоль улицъ, такъ что вода въ армахъ окрашивается и распространяетъ зловоніе. Базаръ здѣсь бываетъ два раза въ недѣлю: по средамъ и по субботамъ.

19-го мая, мисія, въ полномъ составѣ, отслуживъ молебень, выступила изъ Катты-Кургана въ Бухару. Дорога лежала по открытой мѣстности, слегка волнистой. Справа тянулась зеленѣющая долина Зарь-авшана. Въ 12 верстахъ отъ Катты-Кургана, мы прошли мимо зырабулакскихъ высотъ, гдѣ, въ 1868 году, генераломъ Кауфманомъ была одержана блистательная побѣда надъ бухарцами. Издо замѣтить, что позиція зырабулакская необыкновенно крѣпкая. Но русскимъ не стоило почти никакихъ усилій взять ее мигомъ. Бартечь особенно была полезна.

Въ шести верстахъ отъ Зырабулака, у мѣстечка *Ширимъ-Хатмынъ* (что значить *сладкая женщина*) (*), мы переправились по мосту черезъ армыъ Нурапай и вступили въ бухарскіи владѣнія.

Дорога по бухарскимъ владѣніямъ пошла сплошною линіею садовъ, полей и огородовъ; дворы постоянно попадались то справа, то слева. Пшеница зеленѣла, а ячмень уже пожелтѣлъ и даже снѣжался. Хлопчатникъ (гуза) только-что всходилъ.

На восьмой верстѣ отъ границы, въ кишлакѣ Миръ, мы сдѣлали первый привалъ. У пруда, въ тѣни деревьевъ, мы нашли угощеніе, состоявшее, по туземному обычаю, изъ разныхъ сластей, лешеней, чаю, супа и пилава. Любезность бухарскаго чиновника, марахура, сопровождавшаго насъ, простиралась до того, что намъ были подарены русскіе ножи, вилки, ложки и тарелки, которые были закуплены нарочно въ Ташкентѣ для насъ и вѣсилъ за нами. Сами туземцы, какъ извѣстно, ни въ какомъ изъ вышепоименованныхъ предметовъ не нуждаются, а ѣдятъ прямо пятью пальцами изъ общей массы.

(*) Мѣстечко получило названіе отъ имени женщины, мамзавшейся *Ширимъ*, которая жила здѣсь и которая, будто бы, устроила мостъ черезъ Нурапай. Длина моста около 3 сажень, ширина нѣсколько больше одной сажени. Половина мѣстечка по сю сторону Нурапай принадлежитъ русскимъ, а другая половина, по ту сторону, бухарцамъ.

Отъ Мира шли верста 15 до крѣпости *Ziaueddin*. Характеръ дороги тотъ же. Въ *Ziaueddin* были встрѣчены бекомъ, который отвелъ для насъ помѣщеніе въ своихъ нарядныхъ апартаментахъ. Дворъ и дворъ бега помѣщаются въ небольшой крѣпости, сооруженной на высокомъ холмѣ. Эта крѣпость называется «Даудъ-кала» и составляетъ собственно средоточіе *Ziaueddin*скаго бекства. Бухарцы пріѣзду нашему были очень рады, что можно было усмотрѣть въ сдѣланнаго пріема. Для насъ была порочно приготовлена мебель, которая состояла изъ полудожинны деревянныхъ стульевъ самой торной работы, и кое-какъ сляпаннаго стола. Неудобства этой доморощенной мебели были таковы, что мы предпочли усѣсться по туземному способу—просто на полу, устланномъ, какъ водится, коврами и одѣялами.

Угощеніе, принесенное намъ (достохранъ), было очень обильно, что ясно указывало на расположеніе къ намъ и выражало его степень. Мы ѣли мало, — не будучи въ силахъ переваривать азіатскія блюда.

Вечеръ былъ крайне душный. Мы помѣстившись все въ одной комнатѣ и устроили сквозной вѣтеръ, который однако несколько не охлаждалъ воздуха. Въ это время пришелъ одинъ изъ обывателей и объявилъ, чтобы мы одѣлись какъ можно теплѣе, потому что, въ противномъ случаѣ, рискуемъ простудиться. Исполнить этотъ мудрый совѣтъ не было никакой возможности, и только утренній холодъ заставилъ укрыться потѣлѣе. Ночлегъ обошелся болѣе благополучно, чѣмъ можно было ожидать: нѣкоторые изъ насъ отдѣлались только легкими простудами.

Рано утромъ намъ принесли отъ бега подарки: по одному куску адрасу (полушелковая матерія) и по одной головкѣ сахару; начальнику же мисіи два куска адрасу и, кромѣ того, лошадь съ сѣдломъ и сбруєю.

Принесеніе подарковъ сопровождалось слѣдующею рѣчью: «Мы такъ рады пріѣзду столь дорогихъ гостей, что готовы бы подарить все, что имѣемъ; къ сожалѣнію, нашъ бекъ только недавно на своемъ иждѣнствѣ и не успѣлъ ражиться, почему я не могу одарить васъ такъ, какъ слѣдовало бы дарить такихъ важныхъ людей».

Глава мисіи, полковникъ Носовичъ, отдарилъ бега и его приближенныхъ халатами, серебряными часами и табакеркой съ музьюкою.

Въ этотъ день сдѣлали переходъ въ 35 верстѣ. Въ девяти верстахъ отъ *Ziaueddin*, у кишлака Ташъ-Курпюкъ (каменный мостъ),

переправились черезъ Нурапай, на небольшому мосту. До этого пункта дорога сохраняетъ прежній характеръ, но затѣмъ она идетъ, большей частью, на мѣстности открытой. Съ правой стороны, на вдалекѣ еще тянутся сѣды и воздѣланныя поля; съ лѣвой дорогу сопровождаютъ пустыри, орошаемые невысокимъ хребтомъ.

На ночлегъ остановились верстахъ въ трехъ отъ вѣрности Кермине, въ амширомъ саду, насаженомъ его собственными руками, когда онъ еще въ молодости управлялъ этимъ городомъ.

Угощеніе было обильное; но цевванани (бекъ Кермине) не встрѣтилъ посольства, отговариваясь болѣзнию. На другой день онъ, однако, прислалъ подарки, за что, въ свою очередь, былъ отдаренъ.

20-го мая, по выступленіи съ ночлега, мы прошли мимо города, оставивъ его верстахъ въ двухъ въ сторонѣ. Дорога шла садами, но черезъ 12 верстъ которые окончились и дорога сдѣлалась степною. Горы хотя и сопровождали долину справа и слѣва, но уже тянулись въ видѣ холмистой гряды. Справа еще видѣлась зеленая лента Зарь-авшана, все болѣе и болѣе отдававшаяся отъ дороги. Степь ровная; грунтъ каменистый.

Въ шести верстахъ отъ конца садовъ сдѣлалась привалъ въ кишлакъ *Маликъ*. Здѣсь находится развалины стариннаго строенія, вѣроятно Абдуль-хана; по имени этого строенія названъ текарешій кишлакъ и вся степь. Отъ строенія сохранилась одна передняя стѣна, съ башнею на флангѣ. Развалины могли бы служить украшеніемъ въ любомъ европейскомъ городѣ. Кишлакъ состоитъ изъ 15 дворовъ. Воду жители добываютъ изъ колодезь. Весенняя вода собирается въ мулаушкѣ, построенной еще въ старину тутъ же, сади кишлака.

Томичи вносомъ, мы продолжали наше шествіе по степи. Мѣстность сдѣлалась сдѣлка волнистою; грунтъ оставался допрежнему песчано-каменистымъ. Верстахъ въ 14 отъ Малика, горы слѣва повернули въ сторону и скрылись изъ вида; горы, сопровождавшія Зарь-авшанъ справа, тоже окончились, слившись съ степью. Зеленая лента Зарь-авшана, все болѣе и болѣе удаляясь отъ дороги, также пропала изъ виду.

Проѣхавъ въ версты чистую степь, мы достигли опять населенной долины Зарь-авшана. Грунтъ снова сдѣлался глинистымъ.

Пройдя четыре версты долинною, остановились на ночлегъ въ селеніи Бустанъ. Здѣсь, какъ и вездѣ, намъ выставили обильное угощеніе, но помѣщеніе отвели тѣсное: насъ столпили въ небольшомъ дворикѣ видѣть съ казаками. Иракуръ, сопровождавшій насъ, написалъ къ эмиру донесеніе, въ которомъ испрашивалъ, когда его

высокостепенство приметъ насъ: прямо ли съ дороги, или послѣ, на другой день?

Въ Бустанъ мы пріѣхали въ базарный день, когда улицы были запружены народомъ. Народъ смотрѣлъ на насъ съ любопытствомъ и безъ малѣйшаго признака злобы или страха. Изъ разговоровъ нашей прислуги съ бухарцами даже оказывалось, что народъ радовался нашему пріѣзду, смотря на насъ, какъ на вѣстниковъ мира, тишины и спокойствія.

22-го мая намъ предстоялъ переходъ въ 38 версть до Богоуедина, лежащаго въ девяти верстахъ отъ Бухары.

Мирахуръ, въ ожиданіи отвѣта отъ эмира, просилъ насъ не торопиться и сдѣлать два привала на дорогѣ. Это было необходимо, по его словамъ, еще и за тѣмъ, чтобы имѣть возможность оказывать намъ большіе приемы и угощеній.

Согласно просьбѣ мирахура, мы останавливались часа по два сперва въ 12 верстахъ отъ ночлега, близъ селенія Аты-Заубать, а потомъ въ селеніи Кжокъ-Мазаръ. Изъ Бустана сады и населенные пункты не покидаютъ путника вплоть до Бухары. Воздѣланность долины производятъ самое благопріятное впечатлѣніе. Нѣтъ ни одного клочка земли безплоднаго: все занято, все приноситъ пользу. Объ одномъ можно было пожалѣть—о недостаткѣ воды. Арыки вездѣ были сухи, и бухарцы въ это время надѣялись исключительно на насъ, что мы дадимъ имъ воду, заурядивъ временно свои арыки въ верхней половинѣ Заръ-авшана.

Версть за десять до Богоуедина встрѣтилъ насъ братъ бухарслаго кушъ-беги (перваго министра), который передалъ намъ поклонъ отъ эмира и кушъ-беги, и затѣмъ нѣсколько разъ спрашивалъ: довольны ли мы мирахуромъ и тѣми лицами, которыя принимали насъ на ночлегахъ, присозокупивъ, что, еслибы мы были кѣмъ нибудь недовольны, то эмиръ тотчасъ бы смѣнилъ виновнаго.

Агентъ нисин отвѣчалъ выраженіемъ благодарности за радушный приемъ, встрѣченный повсемѣстно въ бухарскихъ предѣлахъ.

Вѣжая въ Богоуединъ, мы были встрѣчены огромными толпами народа, вторый тѣсился въ улицахъ и переукахъ. Съ крышъ домовъ пугливо выглядывали женщины.

На ночлеги остановились на самомъ людномъ мѣстѣ, на площади, передъ мечетями, посвященными панати святаго, по имени котораго селеніе получило названіе. Расположились частію въ палаткахъ, частію на открытомъ воздухѣ. Арыки поставили полууругомъ, образовавъ изъ нихъ родъ бруствера.

Радуміе бухарцевъ усиливалось. Количество приготовленнаго для насъ кушанья и досторхановъ было до безобразія громадное.

23-го мая, рано утромъ, передъ выступленіемъ, осматривали гробницу святаго Богоуедина Наншъ-бенда.

Съ площади мы вышли въ ворота, и, повернувъ направо, пошли довольно длиннымъ открытымъ коридоромъ, устроеннымъ изъ большихъ сѣрыхъ камней. Безчисленное множество нищихъ, увѣчныхъ и бродягъ-мальчишекъ преслѣдовали насъ, выпрашивая подачку и вырывая ее изъ рукъ другъ друга. Только усердіе властей, нещадившихъ себя при раздачѣ ударовъ направо и налево, восстановило нѣкоторый порядокъ. Коридоръ привелъ насъ къ четырехугольному дворику, хорошо вымощенному камнемъ. По двумъ сторонамъ дворика расположены мечети. Галерея передъ мечетями, расположенными съ лѣвой стороны, обратила наше вниманіе по великолѣпной рѣзной работѣ потолка, къ которому привѣшено десятка полтора русскихъ паннакадль. Паникадлы, большею частію, мѣдныя позолоченныя, но есть и хрустальныя. На одномъ изъ паникадль оставленъ крестъ. Паникадлы здѣсь не имѣютъ никакого смысла, потому что православныя, по закону, свѣчей не возжигаютъ.

Двѣ другія стороны двора ограничены рѣшетками, въ углу которыхъ расположена могила бухарскаго патрона. Могила довольно большая, но не обращаетъ на себя вниманія ни по архитектурѣ, ни по богатству. Это просто сѣрая, каменная четырехугольная масса, высотой около сажени и въ основаніи около девяти квадратныхъ сажень.

Во главѣ гробницы лежитъ исписанный во-арабски камень, къ которому православныя благоговѣнно припадаютъ руками, и затѣмъ священнымъ прахомъ, пристающимъ къ пальцамъ, протираютъ себѣ лицо и бороду.

Рядомъ съ гробницею Богоуедина расположено еще нѣсколько гробницъ малага размѣра, бѣлыхъ, кажется изъ извести, обыкновенной мусульманской конструкціи, то есть въ видѣ трехгранной призмы, которой двѣ боковыя продольныя грани нѣсколько изогнуты. Здѣсь похоронены, какъ намъ сообщилъ одинъ изъ сопровождавшихъ, тѣ гости святаго, которые умерли у него на рукахъ.

Богоуединъ, или иначе Хазрати Наншъ-бендъ, умеръ въ 1303 году, основавъ большой орденъ породившихъ монаховъ. Память его высоко чтится во всей Бухаріи, которой онъ считается покровителемъ, какъ св. Іаковъ въ Испаніи.

Дѣше мечетей съ гробницею Богоуедина находится мечеть съ гробницею Мурадъ-біа, праѣда настоящаго эмира.

Наконецъ, еще нѣсколько дѣше, медресе съ 36 комнатами для учениковъ. Въ каждой комнатѣ помѣщается отъ двухъ до трехъ учениковъ.

Надъ высокими куполообразными воротами, ведущими на площадь, съ которой мы собственно и попали во всѣ три вышеупомянутыя зданія, агсты искони свили свои гнѣзда. И здѣсь, въ Бухарин, какъ и въ Россіи, агсты пользуются почетомъ: они выражаютъ собою знаменіе благоволенія Божія.

Селеніе Богоуедина населено почти исключительно потомками святаго, которое называются ходжами. Они избавлены отъ всякихъ повинностей.

По выступленіи изъ Богоуедина, мы вскорѣ были встрѣчены двумя важными сановниками, въ кашемировыхъ халатахъ, опоясанныхъ кашемировыми же шалами, и безъ оружія. Ихъ сопровождалъ ввводъ всадниковъ, одѣтыхъ въ халаты и также безоружныхъ. Сановники были беги, которые обратились къ агенту съ неизбѣннымъ вопросомъ о томъ, какъ ѣхали и какъ насъ принимали дорогою.

Путь изъ Богоуедина до Бухары идетъ все время довольно широкою алеєю, окопанною канавами и обсаженною молодыми деревьями. Грунтъ мѣстами твердый, мѣстами пестаный. Черезъ армыкы вездѣ проложены каменные и достаточно широкіе мосты. Въ армыкахъ не было ни капли воды.

Проѣхавъ съ полверсты предмѣстьемъ города, мы выѣхали къ городскимъ воротамъ, съ башнями довольно чистой отѣлки. Стѣна, окружающая городъ, имѣетъ до 3½ сажень высоты. Предъ стѣною нѣтъ и признака осланады.

Улицы въ городѣ чрезвычайно узки, такъ что только два всадника могутъ свободно ѣхать рядомъ, не дома нѣсколько выше, чѣмъ въ другихъ азіатскихъ городахъ. Постройки идутъ почти сплошною линією; профѣзающій постоянно видитъ справа и слѣва довольно высокія глиняныя стѣны: это заднія стороны выходящихъ на улицу домовъ.

Народъ густыми толпами стоялъ, прислонившись къ стѣнамъ, къ воротамъ, къ мечетямъ. Крыши домовъ и мечетей также заняты были любопытными. Сивозъ огня или, правильнѣе, дыры домовъ, выглядывали женщины, которыя на это время забывали даже болѣе показывать свое лицо мужчинамъ. Многіе изъ народа пріѣтствовали рускимъ словомъ: «здравствуй»; другіе—и эти, по всей вѣроятности, бы-

ли татары — высказывали глазами дружескіе жесты и радостно улыбались. Передъ базаромъ, въ толпѣ, мы увидѣли франта въ бѣломъ казакнѣ съ блестящими кавалерійскими эполетами и съ шашкою черезъ плечо. Въ серединѣ города проѣхали черезъ базаръ, обращающій на себя вниманіе тѣмъ, что улицы здѣсь покрыты сплошнымъ потолокомъ, въ которомъ мѣстами сдѣланы отдушины. Въ лавкахъ отъ этого хотя и тепло, за то прѣхладно, а въ несчастное время сухо. Такихъ удобствъ не существуетъ въ другихъ среднеазіятскихъ городахъ.

Улицы, по которымъ мы проѣзжали, вымощены толстыми булыжными камнемъ, который, уменьшая грязь, тѣмъ не менѣе затрудняетъ передвиженіе.

На противоположномъ концѣ города, близъ Каракульскихъ Воротъ, насъ помѣстили въ большомъ зданіи одного сановника, по имени Шукуръ-инаха, который на время нашего пріѣзда удаленъ въ другое мѣсто.

Въ наше распоряженіе отведены были три четырехугольных двора, съ строениями по сторонамъ. Дворы чисто вымощены кирпичемъ. За дворами расположенъ большой садъ, въ прудахъ котораго въ это время хотя и не было проточной воды, но вода сохранялась въ нѣсколькихъ колодцахъ.

Мы разиѣстились довольно удобно. Заботливость бухарцевъ о насъ была на столько велика, что намъ приготовили довольно порядочную мебель, въ сооруженіи которой подсказывалъ чисто-азіятскій вкусъ. Такъ, напримѣръ, кармасы стульевъ окрасили въ яркій зеленый цвѣтъ, подушки и спинку изнутри обили краснымъ сукномъ, а спинку свади покрыли зеленымъ сукномъ.

Въ мѣсту своего помѣщенія мы прибыли ровно въ полдень и нашли уже готовыми чай и угощеніе, состоявшее изъ самыхъ отборныхъ азіятскихъ сластей. Чай мы пили, а на сласти даже смотрѣть не могли: такъ они намъ опротивѣли.

Вскорѣ пришелъ посланный отъ кушъ-беги, т. е. отъ перваго министра; онъ явился съ подарками, которые поднесъ агенту. Подарки состояли изъ лошади съ сбруєю и сѣдломъ, трехъ халатовъ и десятка кусковъ шелковой матеріи. Вслѣдъ затѣмъ были принесены, на девятости шести блюдахъ, мискахъ и тарелкахъ, разные кушанья. Хотя все принесенное представляло самые изысканные образцы азіятской кухни, однако мы къ нимъ даже прикоснуться не были въ силахъ.

Передъ вечеромъ явился мирахуръ, который сообщалъ, что эмиръ такихъ дорогихъ гостей принять тогда, когда мы пожелаемъ; что выраженіе его дружбы и расположенія простирается до того, что онъ

намѣренъ одарить насъ во время нашего представленія, честь, которой до сего времени не оказывалась никому; что мы имѣемъ право ходить куда угодно и смотрѣть что угодно; что насъ, въ этомъ случаѣ, будетъ сопровождать либо онъ, либо его братъ шихауль (церемоніймейстеръ).

Въ отплату за столько уступокъ и любезностей, агентъ согласился, что халаты, которыми эмиръ одаритъ насъ, будутъ, согласно бухарскаго обычая, надѣты поверхъ мундира. Но такъ какъ мы съ дороги устали, то явленіе эмиру отложили до слѣдующаго дня.

24-го мая, рано утромъ, мы были разбужены выстрѣлами и звуками барабановъ. Войска эмира производили ученіе и, надо отдать имъ справедливость, стрѣляли и барабанили усердно: вѣроятно желали произвести на насъ впечатлѣніе благоустроенностію своего войска.

Назначеніе времени для представленія эмиру предоставлено было его высочествомъ. Рѣшено было, что бы мы ѣхали въ нему въ двѣнадцать часовъ. Нарядившись въ парадный костюмъ, мы, въ сопровожденіи шихаула (церемоніймейстера), отправились въ цитадель, гдѣ обитаетъ владыка правовѣрныхъ. Впереди нашего кортежа шли пѣшіе казаки конвоя, неся на блудахъ подарки эмиру. Подарки были отъ туркеставскаго генераль-губернатора и состояли изъ серебрянаго сервиза, хронометра, столовыхъ часовъ съ канделябрани, музыкальнаго ящика и куска сукна.

Густыя толпы народа запруживали улицы. Мы ѣхали тихо, съ подобающею торжественностію. Проѣхавъ черезъ решеталь (главная часть города), приблизились въ арсу (цитадель). Цитадель построена на возвышенномъ основаніи, имѣющемъ саженъ до четырехъ высоты; кромѣ того самыя стѣны имѣютъ до двухъ саженъ высоты.

Ворота цитадели защищены башнями; на воротахъ висятъ часы довольно аляповатой работы—дѣло рукъ русскаго афериста Каратаева, лѣтъ десять тому назадъ бѣжавшаго въ Бухару и теперь искавшаго случая возвратиться въ Россію.

У подошвы высоты конвой нашъ остановился. Мы же, верхомъ на лошадяхъ, поднялись вверхъ, по направленію къ воротамъ. Крытыя ворота образуютъ коридоръ, длиною около пятидесяти шаговъ. По сторонамъ этого коридора были разставлены сарбазы (солдаты), въ красныхъ казаянахъ, въ желтыхъ кожаныхъ шароварахъ и въ черныхъ мерлушчатыхъ шапкахъ. Большинство сарбазовъ отличалось необыкновенною молодостію, (были даже просто дѣти. При нашемъ приближеніи раздалась команда по-русски: «слушай, на вра-уль», и сарбазы исполнили ее совершенно такъ, какъ дѣлается у насъ.

Проѣхавъ ворота и коридоръ, мы остановились на маленькой площадкѣ и слѣзли съ лошадей. Два удайчи (придворныхъ), въ парчевыхъ халатахъ и съ росписанными палками, повели насъ направо черезъ большой дворъ, хорошо выкошенный камнемъ и ограженный галереями. Изъ этого двора мы вступили въ комнату средних размѣровъ, которая, посредствомъ дверей, сообщалась съ другою, значительно большею, имѣвшею сводчатый потолокъ, и весьма напиминавшею манежъ. Въ этомъ манежѣ, у противоположной отъ двери стѣны, на подстланномъ на полу войлокѣ, сидѣлъ плотный мужчина лѣтъ сорока восьми.

Удайчи и шихаулъ подхватывали насъ поочереды подъ руки и подводили къ эмиру, который каждому подавалъ руку и привѣтствовалъ словомъ: аманъ (здравствуйте). Послѣ рукопожатія всѣ усѣлись полукругомъ на полу, шагахъ въ пяти отъ эмира. Въ залѣ, кромѣ насъ, девяти русскихъ тюрей (офицеровъ) и эмира, присутствовалъ только кушъ-бегги, стоявшій позади насъ, и три церемоніймейстера тоже стоявшіе у дверей.

Безюмъ эмира поражалъ своею простотою: онъ былъ одѣтъ въ самый обыкновенный халатъ яркозеленаго цвѣта и въ небольшой бѣлоснѣжной чалмѣ. Полное лицо Музафара открыто и дышетъ благородствомъ. Глаза отѣнены и какъ будто обведены кругами. Въ небольшой черной бородѣ замѣтна просѣдь. На лбу прорѣзались морщины и, кромѣ того, виднѣтъ глубокой шрамъ.

Звучный голосъ эмира нѣсколько дрожалъ. Видно было, что онъ чувствовалъ себя не совсѣмъ ловко.

Согласно общепринятаго порядка, эмиръ спросилъ агента о здоровьѣ русскаго царя, затѣмъ туркестанскаго генералъ-губернатора и о томъ, довольна ли мисія приѣмомъ сдѣланымъ въ Бухарѣ, послѣ чего агентъ, въ короткой рѣчи, сообщилъ эмиру цѣль прихода мисіи, передавъ желаніе туркестанскаго генералъ-губернатора сохранять дружбу съ Бухарою.

Эмиръ съ жадностію ловилъ слова агента и приговаривалъ: «хопъ-яши» (очень хорошо).

Когда аудіенція окончилась, мы всѣ удалились въ первую комнату, гдѣ насъ попросили обождать. Эмиръ, въ сопровожденіи кушъ-бегги, также немедленно вышелъ въ боковую дверь.

Бухарскіе чиновники окружили насъ, приговаривая: «хопъ-яши». По прошествіи нѣсколькихъ минутъ, къ намъ принесли въ подарокъ каждому по два халата, по одному кашемировому и по одному шелковому, и просили надѣть оба. Мы надѣли только по одному, и за-

тѣмъ, сѣвши на лошадей, прежнимъ торжественнымъ маршемъ двинулись въ свою квартиру.

Вечеромъ приходили къ намъ человекѣ четырнадцать русскихъ торговцевъ, живущихъ въ Бухарѣ. Трое изъ нихъ были чисто русскіе, а остальные татары — доверенные нашихъ купцовъ. Всѣ они объявили, что своимъ положеніемъ въ Бухарѣ очень довольны, никакихъ обидъ и притѣсненій не испытываютъ, и что пошлина (заять) взимается съ нихъ одинаково съ тою, какая берется съ мусульманъ, т. е. одна сороковая, или $2\frac{1}{2}\%$.

Бухара.

31-го мая 1870 года.

А. Костенко.